Главный маршал артиллерии Николай Воронов

Ф Самсонов

SHOUT
SHARE
IT

- Самсонов Ф
  -

Самсонов Ф
Главный маршал артиллерии Николай Воронов

Ф. САМСОНОВ

ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ АРТИЛЛЕРИИ НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

Николай Николаевич Воронов отдал полвека службе в Вооруженных Силах СССР (март 1918 - март 1968) и носил высшее воинское звание советского артиллериста - Главный маршал артиллерии, присвоенное ему первому в нашей армии в феврале 1944 года. Точно так же ему было первому присвоено только что введенное у нас в январе 1943 года звание маршала артиллерии. В годы Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов руководил советской артиллерией - главной огневой ударной силой Советской Армии. Его имя связано с выполнением ряда ответственных поручений Ставки Верховного Главнокомандования по координации действий нескольких фронтов в крупных операциях Советских Вооруженных Сил, в том числе в ликвидации окруженных немецко-фашистских войск под Сталинградом. Заслуги Н. Н. Воронова перед социалистической Родиной отмечены присвоением ему звания Героя Советского Союза, награждением его пятнадцатью орденами Советского Союза и девятью медалями, среди которых шесть орденов Ленина и орден Октябрьской Революции. Прах его в марте 1968 года был захоронен в кремлевской стене.

Мне пришлось много раз встречаться с Н. Н. Вороновым и ряд лет работать под его непосредственным руководством в качестве одного из ближайших помощников. Помимо служебных официальных отношений, мы много беседовали, обменивались мнениями по разным вопросам строительства нашей артиллерии как рода войск, определяли очередные проблемы ее развития и способы их решения. Беседы в свободное время захватывали большой круг разнообразных интересов Николая Николаевича от искусства и литературы до спорта, которым он увлекался, будучи страстным болельщиком футбола и шахмат и активным участником спортивной охоты и рыбной ловли.

Все это оправдало мое согласие выступить с кратким рассказом об этом замечательном человеке и воине, используя для этого документы и личные впечатления. Ведь кому, как не нашей молодежи - продолжательнице великих дел своих отцов и дедов, - знать и учиться на богатейшем опыте тех, кто составляет

славу и гордость народа.

***

Отец Н.Н. Воронова - Николай Терентьевич, сын повара, получил в Петрограде достаточное образование для службы в качестве конторщика. Однако его, казалось бы, благополучное существование было разрушено. Его тянуло к образованным рабочим, социал-демократам, он сочувствовал им и был на том замечен политической полицией. Царское правительство после революции 1905 года сурово расправлялось не только с участниками выступлений против правительства, но и с сочувствующими им. Как "неблагонадежный", Николай Терентьевич стал безработным. Три года он не мог найти себе работу. Замученная беспросветной нуждой, мать Н. Н. Воронова покончила с собой. Когда, наконец, Николай Терентьевич нашел работу и смог взять к себе сына с дочерью от приютившей их подруги жены, Коля Воронов начал готовиться к поступлению в гимназию. Шел 1908 год. В гимназию его, как сына "неблагонадежного", не приняли. Только на следующий год он смог начать учиться в частном реальном училище. Такие училища, содержавшиеся общественными организациями либо частными лицами, имелись в ряде крупных городов. В них обучались дети, которым по тем или иным причинам был закрыт доступ в казенные средние учебные заведения.

Удары судьбы продолжали преследовать маленького Воронова - началась первая мировая война, с нею пришла дороговизна: отцу одному стало трудно содержать семью, и Николай ушел из училища по окончании 4-го класса, поступив работать к одному преуспевающему адвокату техническим секретарем. Отец же с семьей переехал в сельский район, где легче было пропитать семью. Но.., в 1916 году его мобилизовали в армию, и молодому Воронову пришлось взять заботы о семье на себя. Тем не менее он все же не оставил вечерние общеобразовательные курсы и сдал экзамены экстерном за среднее учебное заведение в 1917 году.

После Февральской революции приехал в Петроград и отец, приехал как делегат полкового солдатского комитета. В октябре Николай Воронов остался без работы - свою контору адвокат был вынужден закрыть. После Октябрьской революции служащие банков объявили бойкот Советской власти, тогда большевики обратились с призывом к трудящимся помочь наладить банковское дело. Николай Воронов пошел работать в банк.

После Октябрьского переворота молодой Советской республике пришлось защищаться от внутренней контрреволюции и интервентов буквально с первого дня.

Началось формирование Красной Армии. Прочитав обращение в газете, Воронов в марте 1918 года поступил на Петроградские артиллерийские курсы. С этого времени началась его новая жизнь - жизнь воина пролетарской революции.

В сентябре 1918 года, окончив курсы с новым званием - краском (красный командир), - он назначается командиром взвода в гаубичную батарею и убывает на фронт против войск Юденича. Еще на курсах он вступает в группу сочувствующих РКП (б). В числе рекомендовавших его был и член партийного бюро курсов М. В. Захаров, ныне Маршал Советского Союза.

Первым наставником в боевой обстановке стал командир батареи А. Г. Шабловский. Ему Н. Н. Воронов остался благодарен на всю жизнь и поддерживал связь с ним до своей кончины. В своих воспоминаниях полковник запаса А. Г. Шабловский рассказывает о том, что молодой краском Воронов пользовался у красноармейцев особым расположением за веселый нрав, он умел заставлять "забывать про опасности и поддерживал высокий боевой дух красноармейцев". Приводит он примеры героизма бойцов и командиров батареи, в частности припоминает такой факт: "...для выполнения частной огневой задачи пришлось выдвинуть вперед километра на полтора от позиции одну гаубицу с орудийным расчетом. Прибывший незадолго до этого Первый стрелковый полк рано утром внезапно, без предупреждения и без видимой причины, отошел к основной позиции батареи. Выдвинутая гаубица оказалась брошенной без запряжки. К счастью, подошла из резерва бронемашина, которая огнем рассеяла белых; увлеченные преследованием нашей пехоты севернее шоссе, белые не заметили хорошо замаскированную в кустах гаубицу южнее шоссе. Воспользовавшись благоприятно сложившейся обстановкой, упомянутый мною краском И. Н. Воронов поскакал во главе запряжки к брошенной пехотой гаубице и благополучно вывел ее к батарее".

Неоднократно командир взвода, а затем и командир батареи Николай Воронов в боях с войсками Юденича и в боях с белополяками показывал пример личной храбрости бойцам. Во время наступления на Варшаву батарея, которой он командовал, находилась все время в боевых порядках Восемьдесят третьего полка Десятой стрелковой дивизии. Она была вооружена к тому времени легкими 76-мм пушками взамен постепенно выбывших из строя 122-мм гаубиц. Командование легкой пушечной батареей, более подвижной, облегчало непрерывное сопровождение пехоты огнем и колесами.

Военное счастье изменило нашим войскам, и они были вынуждены отходить под ударами свежих оперативных резервов

белопольских войск. Батарея Николая Воронова прикрывала огнем отход пехоты. Полки и батальоны Двадцать восьмой стрелковой бригады Десятой стрелковой дивизии таяли в боях, не получая пополнений. К середине августа каждый из них насчитывал менее 200 человек. 17 августа бригада была окружена польскими войсками. Об этом дне бывший командир Десятой стрелковой дивизии Н. Какурин писал, что командир Восемьдесят третьего стрелкового полка решил в селе Юзефове, где белополяки окружили всю Двадцать восьмую стрелковую бригаду, нанести удары в северо- и юго-восточном направлениях и расчистить дорогу для следовавших за ним Восемьдесят второго и Восемьдесят четвертого стрелковых полков. "Развернувшись в эксцентричный боевой порядок, Восемьдесят третий стрелковый полк двинулся в атаку. Несмотря на свою малочисленность и сильный огонь противника, стрелки смело бросились вперед. После минутного успеха отхлынули назад в с. Юзефов, понеся большие потери убитыми и ранеными. Бой был настолько скоротечен, что батарея, стоявшая в узкой улице с. Юзефов, едва успела дать один-два выстрела картечью по перешедшим в атаку полякам и была захвачена противником, так как подать передки и повернуться в узкой улице, забитой бегущими людьми и обозами, она не могла и не успела. Здесь смертью храбрых пал командир первой батареи тов. Воронов, отстреливавшийся картечью и оставшийся один, чтобы испортить свои орудия".

Все было так, как писал Н. Какурин, кроме последней части. Испортив с одним из бойцов оставшиеся два орудия, Н. Н. Воронов попал под разрыв снаряда, был контужен и потерял сознание. Очнувшись, он увидел, что противник уже прошел село, а около него с конем стоял красноармеец Волков из его батареи. Волков помог командиру подняться в седло, и они начали пробираться к своим. Однако ночью по ошибке попали в расположение белополяков. Николай Воронов из-за контузив ног не мог управлять конем и попал в плен. Дважды ему грозила ампутация ног. После заключения мира через 8 месяцев пребывания в плену был репатриирован, долго лечился в госпитале. Но все же вернулся в строй. Снова командовал батареей, сначала во Второй, а потом - в Двадцать седьмой Омской стрелковой дивизии. Здесь и состоялась моя первая встреча с Н. Н. Вороновым.

Весной 1923 года я в составе группы сотрудников политического отдела дивизии проверял постановку партийно-политической работы в артиллерии дивизии.

Артиллерия дивизии поело очередной реорганизации в январе 1923 года была в это время малочисленной - всего два

дивизиона (гаубичный, пушечный), школа младшего комсостава и артиллерийский парк. Поэтому мы быстро познакомились с командирами дивизионов и батарей. Командир гаубичной батареи Н. Н. Воронов сразу обратил на себя наше внимание своим внешним видом - очень высокий и очень худой. Как выяснилось несколько позже, это был общительный, располагающий к себе каким-то особым радушием и постоянной шуткой человек. Мягкий глубокий тенор, слегка заикающаяся речь. Говорил он медленно, тщательно следил за формулировками. Физически подготовлен был хорошо, любил конный спорт и начинавший прививаться в армии футбол, теннис, увлекался фотографией.

Спустя много лет Николай Николаевич на мой вопрос, где он учился играть в футбол, рассказал, что в детстве его отец снимал квартиру на окраине Петербурга, в Удельном. Это был в то же время и дачный район. Летом там обычно тренировалась команда из иностранцев - кажется, из англичан, живших в Петербурге. Все свободное время маленький Воронов как завороженный мог часами смотреть на тренировки. Наконец на него обратил внимание тренер команды и стал обучать ударам по мячу.

До участия в этой футбольной команде он не дорос, но многому научился и сохранил привязанность и любовь к футболу до конца жизни. В 1937 - 1968 годах это был самый серьезный и преданный болельщик команды ЦСКА. В конце и после войны старший тренер команды Б. А. Аркадьев свободно заходил в кабинет Главного маршала артиллерии, и тот всегда находил время обсудить с ним ряд нужд команды, порядок их удовлетворения, а затем беседы переходили в критический разбор последней игры и к тактическому плану предстоящей. Однажды, в августе 1946 года, я возвращался с ним в его служебном самолете с учений в районе Ленинграда. Дорогой у нас была серьезная и интересная беседа о ряде очередных проблем развития артиллерийских наук; он весьма активно ее вел. В момент захода на посадку на Центральный аэродром в окно самолета был виден футбольный матч на стадионе "Динамо". Николай Николаевич вспомнил, что играет команда ЦСКА, и предложил прямо с аэродрома поехать на стадион. Мы оба были утомлены порядком и, естественно, торопились отдохнуть. Я сначала принял его предложение за шутку, на которые он был щедр. Однако когда мы сели в машины, он приказал шоферу своей машины ехать на стадион.

Даже при физических недомоганиях, особенно беспокоивших его в последнее десятилетие жизни, Николай Николаевич редко пропускал футбольные матчи любимой команды. Лишь одно еще

увлечение, которое он пронес через всю жизнь, - охота могло отвлечь его от присутствия на стадионе в день игры команды ЦСКА. С игроками этой команды он провел множество бесед, знал личные нужды каждого и как мог помогал команде.

А тогда, в двадцатые годы, в Дорогобуже, он сам учил бойцов батареи играть в футбол, и они с восхищением следили за ловкими приемами в обращении с мячом.

Но не только этим привлекал к себе внимание Николай Воронов. В его батарее соблюдался отменный внутренний порядок, а с точки зрения интересов нашей инспектирующей группы этот командир батареи выделялся активным участием в партийной и агитационно-пропагандистской работе и, в частности, по этой причине пользовался у товарищей и подчиненных высоким авторитетом.

Вторая встреча с Н. Н. Вороновым была продолжительнее. Артиллерия дивизии была переведена в Витебск, осенью 1924 года реорганизована в артиллерийский полк, в нем я с начала 1924 года был старшим политработником. При мне прибыл из Высшей артиллерийской школы Н. Н. Воронов и был сначала заместителем, а потом и командиром дивизиона. Здесь я имел возможность познакомиться с ним близко.

Обращали на этот раз внимание его увлечение военной литературой и содержательные выступления с докладами и сообщениями на собраниях военно-научного общества полка и Витебского гарнизона. В это время он поместил несколько статей в "Вестнике АКУКСа" (Артиллерийские курсы усовершенствования комсостава. - Прим, авт.). По-прежнему активно участвовал в партийно-политической работе, также пользовался авторитетом как отличный командир и хороший товарищ, всегда готовый помочь каждому, кто обращался к нему (по теории и практике артстрельбы, по тактике артиллерии и общевойскового боя). Был чутким к настроениям и нуждам подчиненных.

Весной 1925 года я убыл к новому месту службы и в следующий раз встретился с Вороновым неожиданно только через 12 лет. Как сложилась его жизнь за эти годы, я узнал позже из его рассказов.

В 1927 году он поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе, окончил ее в мае 1930 года. Три года командовал артиллерийским полком в Московской Пролетарской стрелковой дивизии и некоторое время был начальником артиллерии дивизии.

С учебы в академии фактически начался второй период жизни и службы в армии. В Московской Пролетарской дивизии он активно участвовал в опытных учениях и стрельбах, в войсковых

испытаниях новых образцов артиллерийского оружия, а затем в работе уставной комиссии по разработке Боевого устава артиллерии (часть 2-я - боевое применение артиллерии дивизии и корпуса). Отсюда же он в составе нашей военной миссии ездил в Италию (август 1932 г.) на войсковые маневры.

В эти годы ему приходилось часто встречаться в служебной обстановке с руководящими работниками Народного комиссариата обороны. Они, конечно, заметили скромность, работоспособность и трудолюбие молодого командира полка. Должность командира полка в армии была тяжелой, но почетной службой. Развивая способности к высокой ответственности за порученное дело, она учила руководству боевой подготовкой, воспитанию кадров, пониманию всех тонкостей управления полком в бою. На этом посту окончательно отшлифовывался характер командира, укреплялась его воля. С выработанными в практике командования полком качествами командир, как правило, проходил потом все ступени служебной лестницы до ее вершин и обычно выгодно отличался от тех, кто не получил закалки в командовании полком.

Поэтому не случайным было его назначение весной 1934 года начальником и военкомом старейшей в Совет-гной Армии Первой Ленинградской артиллерийской школы. Отсюда он еще раз ездил в Италию на маневры. Успешное командование школой было отмечено первой правительственной наградой - орденом Красной Звезды. Получил и звание высшего командного состава - комбриг (соответствует примерно современному воинскому званию генерал-майора. - Прим, авт.). Здесь завершился, по существу, второй период службы Воронова в Советской Армии. Он обладал знаниями и навыками руководства артиллерией в тактическом звене управления войсками (дивизия, корпус).

В конце 1936 года была удовлетворена его просьба о посылке волонтером в сражающуюся республиканскую Испанию. Там он получил новый боевой опыт и обильный материал для размышлений. Оттуда он был вызван ранее срока, на который был отпущен. По представлениям старших советников он был дважды награжден за время пребывания в Испании правительственными наградами орденами Ленина и Красного Знамени.

Меня интересовало, как оценивалась очевидцами боевая деятельность Н. Н. Воронова в Испании. Знакомые мне офицеры охотно делились впечатлениями о старшем артиллерийском советнике. Они отмечали его удивительный такт в обращении к своим подчиненным и во взаимоотношениях с командирами испанских частей и соединений. В боевой обстановке он был всегда спокоен, сдержан, часто прибегал к шутке, скрывая за ней

намеки на допущенные собеседниками оплошности, при этом в необидной форме и с явным расположением к собеседнику. Он действительно передавал свои знания и опыт и делал это весьма тактично. Отмечали его настойчивое стремление убеждаться на месте, как ведет бой артиллерия, насколько соответствуют донесения и доклады действительности. Он не изменял афоризму: "Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать".

Надо сказать, что мы в своей практике узнаем много афоризмов, справедливых и полезных, но часто забываем следовать им именно тогда, когда это необходимо. Николай Николаевич не заслуживал такого упрека, всегда поступая соответственно своему убеждению. Стремление к наибольшей достоверности знания обстановки было выработанным практикой стилем работы Н. Н. Воронова.

Далеко не всегда можно самому видеть все, что делается на поле боя. Чем выше звено управления войсками, тем меньше у его командира возможностей к этому. В лучшем случае и не всегда он успевает лично ознакомиться с ходом событий на главном направлении или на наиболее ответственном участке боя, сражения. Приходится пользоваться донесениями и докладами, хотя нередко они не дают достоверного отображения действительности. Один военный деятель прошлого как-то сказал, что "на войне большая часть донесений ложна, а остальная их часть недостоверна". Он рекомендовал между тем уметь, особенно штабным офицерам и генералам, из этой массы недостоверных сведений составлять наиболее близкое к действительности представление об обстановке. Этот совет, как ни кажется он парадоксальным, применим для людей, прошедших через хорошую школу полевой службы и участия в сражениях. Для его применения надо по-настоящему хорошо знать действующих на поле боя командиров, донесениями которых приходится пользоваться. Хорошо, конечно, иметь подручных офицеров, освобожденных от ответственности за ход и исход боя, и использовать их в помощь себе для контроля. Но и эти последние должны быть так воспитаны, чтобы их доклад пользовался доверием.

Видимо, этим объясняется то, что во время Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов расставался очень неохотно с теми, кто ему помогал в работе и к кому он питал доверие.

Мне пришлось слышать от него первые выводы из размышлений над опытом войны в Испании, в части боевого применения артиллерии в современной войне. Случилось это в первые же дни его возвращения из Испании.

Июньским днем 1937 года в вагон дачного поезда Ленинград

- Луга, в котором все места были отведены для двух сборов командиров-артиллеристов: заместителей начальников артиллерийских училищ по учебной части и слушателей артиллеристов выпускного курса Академии имени М. В. Фрунзе, вошел комкор-артиллерист. Тогда такое высокое звание среди командного состава артиллерии не носил никто, оно соответствовало примерно современному воинскому званию генерал-полковника. Стало ясно, что перед нами новый начальник артиллерии Красной Армии. Это был Н. Н. Воронов, которому звание комкора было присвоено во внеочередном порядке после возвращения из Испании, незадолго до описываемых событий. Он ехал в Лугу за семьей. Подсев к комдиву В. Д. Грендалю, возглавлявшему группу офицеров академии, Н. Н. Воронов завязал беседу. Постепенно в нее включились многие ехавшие в вагоне. Беседа приняла своеобразный характер "пресс-конференции". Н. Н. Воронову задавали много вопросов о событиях в Испании, и он с завидной добросовестностью не только отвечал, но и стремился убедить нас в правоте своих выводов об использовании артиллерии, стремился, чтобы мы поняли вытекающие из них задачи для нас, артиллеристов. Все четыре часа пути прошли в оживленной беседе, от ответов на вопросы постепенно перешли к обмену мнениями. Это тоже надо было уметь сделать с первой встречи - надо обладать особым обаянием, тогда с высоким начальником начинают беседовать смело.

Мне из этой беседы запомнилась глубокая убежденность Н. Н. Воронова в том, что роль артиллерии в современной войне не падает, а возрастает. Он это доказывал примерами из опыта войны в Испании. Говорил о том, что рост танковой техники и авиации не снижает потребности в артиллерии, а увеличивает ее. Указывал на благоприятные условия для роста массового артиллерийского производства в связи с успехами индустриализации страны в 1929 - 1937 годах. Известно, что во время войны никто еще не жаловался на излишек вооружения и каждый стремился ускорить и процесс перевооружения армии новыми образцами и ускорить процесс смены одних образцов новыми, еще более совершенными по своим боевым качествам.

Тогда этот вопрос не был праздным. Нас, артиллерийских командиров, любивших свой род войск, волновали проникавшие из-за рубежа идеи о неизбежное потере роли артиллерии в современной (для тридцатых годов) войне. Такие взгляды проникали по тем или иным причинам и в нашу военно-теоретическую печать и даже в официальные руководства, отражавшие тенденцию развития военной доктрины.

В таком серьезном труде, как "Характер операций современной армии" В. К. Триандафиллова (3-е изд., 1936, стр. 115), говорилось, что два батальона танков могут заменить один артиллерийский полк резерва Верховного Главнокомандования. Писалось это в 1929 году, когда мы располагали крайне маломощной артиллерией. Эту замену автор рассматривал, видимо, как выход из положения. Однако и к моменту упомянутой беседы такой взгляд еще имел отражение в официальных руководствах, в том числе и в уже прошедшем все стадии разработки проекте Боевого устава артиллерии (часть 2-я, 1937).

В середине тридцатых годов на учениях бывало и так, что в расчете потребных огневых средств на решение боевой задачи применяли замену артиллерии авиацией; "эквивалентом" считали один артиллерийский дивизион за одну эскадрилью легких бомбардировщиков.

Все это мы, артиллеристы, внутренне не разделяли, интуитивно понимая не правомерность самой постановки вопроса о подобной "замене" артиллерии танками или самолетами. Но не было среди нас "эрудированных и смелых" людей, способных противопоставить такой точке зрения другую. Конечно, высказывания Н. Н. Воронова тогда, в вагоне, нас обрадовали - в его лице мы увидели человека, глубоко понимающего роль артиллерии и любящего свой род войск по-настоящему. Его точка зрения пробивала себе путь в жизни. Несколько позднее об огромной роли артиллерии в современной войне сказал И. В. Сталин. Он высказал пожелание иметь ее первоклассной. Затем уже появились и серьезные обоснования необходимости всемерного развития артиллерии, именно в связи с бурным развитием танкового и авиационного вооружения, в работах, возглавлявшихся такими авторитетными теоретиками боевого применения артиллерии, как В. Д. Грендаль и А. К. Сивков.

Запомнились из той же беседы высказывания Н. Н. Воронова о растущем значении массированного огня артиллерии. Он пришел к этому выводу и иллюстрировал нам его скромным опытом массированного применения артиллерии в Испании. Как наиболее подходящий пример он привел случай сосредоточения на одной высоте, занятой мятежниками в районе Мадрида, огня 22 артиллерийских батарей. Воронов понимал, конечно, что в условиях отсутствия крупных масс артиллерии этот опыт неполноценен, но сумел увидеть и в нем прообраз ближайшего будущего. Тогда он еще не мог предвидеть того могучего расцвета советской артиллерии, которого она достигла в годы Великой Отечественной войны. Но он уже понимал тенденцию ее

развития, ее закономерности и правильно понимал свою собственную роль как начальника артиллерии Красной Армии, считал своей главной задачей расчистку путей для быстрейшего роста и развития артиллерии.

Из понимания значения массированного огня артиллерии вытекало признание большой роли маневра в создании крупных артиллерийских группировок, а следовательно, и зависимость их от наличия резервных средств. Из этого же вытекало и большое значение централизованного управления этими группировками в интересах боевого взаимодействия с танковыми и стрелковыми соединениями. Не без удовольствия вспоминал Николай Николаевич в беседе с нами о прекрасных дорогах Испании, позволявших даже в условиях гористого характера местности быстро и легко совершать оперативные переброски батарей легких пушек за грузовыми автомашинами, использовавшимися в качестве тягачей. В этом он угадывал рост значения оперативного маневра артиллерией в ближайшем будущем.

Позднее, во время Великой Отечественной войны, я убеждался неоднократно в том, что Н. Н. Воронов сумел рассмотреть в ограниченном масштабами опыте войны в Испании многое из того, что пришлось решать в масштабе крупной войны.

Запомнилось также настойчивое его предупреждение об опасностях нарушения взаимодействия артиллерийского огня с ударом пехоты. Он рассказывал о случаях запоздания подъема пехоты в атаку по окончании артиллерийской подготовки. В результате такие атаки срывались оживающими огневыми средствами обороняющегося противника. Он предупреждал, что артиллерийская подготовка атаки, построенная на подавлении системы огня противника (в первую мировую войну артиллерийская подготовка атаки вплоть до 1918 года строилась на уничтожении и полном разрушении обороны противника), не обеспечивает молчания вражеских огневых средств, они оживают через некоторое время после подавления. К этому надо быть готовым. Мы тогда по наивности полагали, что так было "там", а у нас этого быть не может. Через четыре года мы убедились, что так нередко бывает и у нас: грубейшие нарушения во взаимодействии артиллерии с пехотой и танками встречались часто, особенно в первый период Отечественной войны.

Я подробно рассказываю об этой беседе потому, что она оставила у всех нас глубокое впечатление; со многим, от чего он нас предупреждал тогда, пришлось встретиться в боевой обстановке. Наконец, рассказываю и потому, что, работая с ним потом бок о бок, я убедился, как последовательно он проводил в жизнь идеи, которые считал полезными для дела.

***

Итак, для Николая Николаевича Воронова начался новый период службы в Советской Армии - он поднялся в те круги военного командования, которые непосредственно возглавляли Вооруженные Силы и имели прямой контакт с руководством страны в целом.

Вначале казалось, что решать очередные проблемы вооружения, войсковой организации, роста и развития артиллерии, вырабатывать способы ее боевого применения в новых условиях будет легко. Исходя из этого, Воронов разработал целую программу мероприятий и изложил их в подробной докладной записке, представленной в ноябре 1937 года наркому обороны. Оказалось, однако, что легко решать вопросы, только традиционно подведомственные начальнику артиллерии, - вопросы боевой подготовки и разработку теории и практики боевого применения артиллерии. Что касается программы вооружения, то тут дело обстояло гораздо сложнее. Нарком лишь включил Воронова в комиссию, разрабатывавшую систему артиллерийского вооружения (системой называлась программа вооружения, с указанием, какие орудия, для каких войск, в каком звене управления содержать и в каком количестве. - Прим, авт.).

В докладной записке была развернута широкая программа оснащения артиллерии разведывательной техникой, без которой эффект ее боевого применения, в первую очередь тяжелой и дальнобойной, резко ограничивался, а в ряде случаев само ее применение становилось бесцельным. В программе ставился вопрос о создании артиллерийского самолета-корректировщика, позволяющего разведывать артиллерийские батареи противника, не наблюдаемые с высотных наблюдательных пунктов и укрытий в глубине боевого порядка противника, определять их точное местоположение (координаты) и корректировать артиллерийский огонь по ненаблюдаемым целям.

Ставил Воронов вопрос и о разработке новой звукометрической станции для обнаружения, определения места и корректирования стрельбы по звучащей цели (артиллерийская батарея). Правда, в 1936 году уже была принята на вооружение звукометрическая станция, намного совершеннее предыдущих, но и она еще не решала многие задачи с необходимой точностью. Николай Николаевич писал: "Звукометрия в будущей войне будет играть большую роль". Этот прогноз оправдался: артиллерийские штабы подсчитали, что за 1942 - 1945 годы в 46 операциях Советской Армии с помощью звукометрических батарей были разведаны 33 721 артиллерийская батарея (т, е. 83,5 процента от числа всех разведанных батарей артиллерийской

инструментальной разведкой) и 3435 минометных (63,5 процента).

Ряд предложений Воронова имел целью развитие средств оптической, топографической и метеорологической разведки, обеспечение разведывательных органов автотранспортом и средствами тяги. Точно так же он предусмотрел и дальнейшее усовершенствование и, создание новых образцов тяжелой и большой мощности артиллерии, несмотря на то, что с 1937 года уже начали поступать новые и модернизированные артиллерийские системы. В его докладной записке ставился вопрос об усовершенствовании зенитной артиллерии и приборов управления ее огнем, о развитии самоходной артиллерии, расширении образцов минометного вооружения, средств механической тяги, радиосвязи и т, д. Целые разделы записки посвящались очередным проблемам боевой подготовки личного состава артиллерии и организационно-штатной структуре артиллерийских частей.

В таком обширном докладе не все было, разумеется, равноценно по глубине мысли, убедительности и яркости обоснования. Многое вошло из того, что "переболело" в самом Воронове, что сложилось в результате длительного и мучительного осмысливания опыта. Вошло в доклад и кое-что из высказываний новых сотрудников - с ними Воронов много беседовал в процессе ознакомления с состоянием дела в том обширном "хозяйстве", во главе которого он встал. Не все проблемы он сумел критически изучить в истории вопроса с вооружением армии теми или иными видами артиллерийского вооружения типами орудий и их образцами. Его собственный опыт в боевом применении был ограничен 76-мм пушкой, 122-мм и 152-мм гаубицами, близко наблюдал в действии 122-мм пушку, 152-мм гаубицу-пушку, с остальными системами он был знаком, но еще не проникал непосредственно в специфику их боевого применения.

Своей докладной запиской Н. Н. Воронов вторгался в функции ряда главных управлений, по неопытности обойдя сложный, трудный и не всегда приятный путь предварительных согласований. Поэтому его предложения и встретили возражений больше, чем могло бы быть в других условиях.

Сначала Н. Н. Воронову казалось, что достаточно обратиться с обоснованным заявлением о содействии, и оно получит поддержку. На практике, однако, это бывало далеко не так. Например, как мы уже сказали, в ноябре 1937 года Н. Н. Воронов поставил вопрос о создании специального артиллерийского самолета-корректировщика. В связи с этим он писал наркому

обороны: "Все попытки приспособлять существующие самолеты для этой цели следует считать задачей невозможной". Затем представляет согласованный с начальником Военно-Воздушных Сил проект тактико-технических требований к специальному самолету. Но и спустя три с половиной года, в марте 1941-го, ему опять пришлось писать о том же самом начальнику Главного артиллерийского управления: "...У нас артиллерия продолжает оставаться слепой, три года с половиной идет какая-то непонятная волокита с артиллерийским самолетом... Дальше терпеть уже невозможно". И снова излагаются практические предложения. Но они опять-таки не встретили поддержки. Так и вошли мы в войну со снятыми с вооружения ВВС самолетами Р-5, переданными в отряды артиллерийских самолетов-корректировщиков. Непригодность же их для этой цели была известна еще в середине тридцатых годов.

Это лить один из многих примеров того, что недостаточно иметь свое мнение, хотя бы и обоснованное, для решения нужного дела. Постепенно Н. Н. Воронов учится искусству убеждать необходимых для этого людей, завоевывая среди них себе "единомышленников", так как совместные выступления по какому-либо вопросу находили к реализации предложения более короткий путь.

В общем путь начальника артиллерии к совершенствованию артиллерии не был "усыпан розами", на нем было больше "терний". Видимо, он и сам понимал, что ему надо многое уяснить и узнать глубже, чем он себе представлял до сих пор. Этим может быть объяснено и то, что он активно участвует в испытаниях образцов орудий, средств тяги и т, д., непосредственно часами, до физического переутомления, проводит время на тягаче и совершает сам испытательные пробеги, участвует в испытаниях боеприпасов и т, д. Казалось, мог бы ограничиться получением отчетных материалов по испытаниям и их изучением. Он же стремился все увидеть сам. Во время испытаний десятки и сотни раз беседовал с инженерами, конструкторами, мастерами, офицерами, младшими командирами, рядовыми красноармейцами. Всех он умел "расшевелить" и заставить искренне высказать свои впечатления и мнения об испытывавшихся образцах вооружения.

По мере совершенствования своих знаний Воронов уже не ограничивается только вопросами боевого применения испытываемых и создаваемых образцов, он вникает в дела конструкторских бюро и артиллерийских заводов. Узнавая от них много полезного, он, в свою очередь, обогащал их своим боевым опытом и помогал лучше осмысливать тактико-технические

требования к артиллерийскому вооружению.

В связи с этим народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов все чаще стал поручать ему участие в различных комиссиях по разрешению споров, возникавших между заказчиком и поставщиком, так как он уже убедился в беспристрастности Воронова и смелости его суждений.

Бывший директор одного из артиллерийских заводов, а затем начальник Главного управления артиллерийской промышленности в Наркомате вооружения и член коллегии этого наркомата Н. Э. Носовский в своих воспоминаниях отмечает решительность Н. Н. Воронова в принятии на себя ответственности за рекомендации правительству. В ряде случаев он принимал сторону работников артиллерийской промышленности, предварительно на месте глубоко изучив причины тех или иных расхождений.

С разрешения Н. Э. Носовского я позволю себе привести отрывок из его воспоминаний. Однажды, пишет он, срывалась программа производства 45-мм противотанковых пушек из-за несущественного дефекта. С таким дефектом Главное артиллерийское управление раньше принимало пушки, их живучесть и надежность проверялись опытными стрельбами. И после, во время войны, когда из таких пушек стреляли много, рекламаций на них но поступало. Тогда же, в 1939 году, стояла угроза срыва программы их производства, так как военный представитель прекратил их прием, а Главное артиллерийское управление его поддержало. Н. Н. Воронов был на заводе, на месте разбирался в сути спора и встал на сторону завода, а не своего ведомства. Комитет обороны разрешил прием таких пушек.

И еще один момент из воспоминаний Н. Э. Носовского о Н. Н. Воронове, думается, стоит здесь привести.

На заводе, где изготавливали новую 122-мм гаубицу конструкции Ф. Ф. Петрова, по технологическим соображениям вводились изменения в уже утвержденные чертежи. Представители ГАУ не давали согласия на эти изменения. Разрешить возникший спор было поручено Н. Н. Воронову и Н. Э. Носовскому непосредственно на заводах. Тщательно изучив суть дела и обоснования тех пли иных изменений, Н. Н. Воронов, которому принадлежало решающее слово, встал на сторону производственников. "Можно сказать, - вспоминает Носовский, - что благодаря Н. Н. Воронову решилось важное дело, которое стопорилось на двух крупнейших заводах в течение нескольких месяцев. Хорошо и по-деловому решались вопросы вместе с Н. Н. Вороновым, который подходил всегда внимательно, разумно. Он был человеком большой культуры, простым, умевшим относиться

с уважением и доверием к производственникам артиллерии... Руководители артиллерийских заводов со своей стороны любили и уважали Н. Н. Воронова, который всегда был отзывчив к делам артиллерийских заводов".

Из этого отзыва нельзя делать вывод о том, что Н. Н. Воронов легко соглашался с инженерами-производственниками и конструкторами. Известен, например, такой случай. Еще в 1936 году была постановлением Комитета обороны принята на вооружение 76-мм дивизионная пушка Ф-22. Н. Н. Воронов провел дополнительные ее испытания в зимних условиях, выявились многие конструктивные недостатки, и он опротестовал постановление. На такой шаг мог пойти человек, обладающий мужеством, смелостью и волей. Ведь он довел дело до обсуждения в верховных органах власти. Для него это выступление против ГАУ и Наркомата вооружений, а по существу, и против Комитета обороны могло иметь далеко идущие последствия.

Во время дискуссии он оказался один против всех, и, если бы его не поддержал И. В. Сталин, пришлось бы ему туго. Как мне рассказал сам Н. Н. Воронов, И. В. Сталин сказал примерно следующее: "Производство пушек не производство мыла! Нужно прислушиваться к критике, нужно устранить у пушки все обнаруженные недостатки, чтобы она стала боеспособной..." Была создана новая правительственная комиссия с участием Н. Н. Воронова. Прошли параллельные испытания еще четырех образцов пушек, и тогда было принято решение о доработке образца. В нем удалось устранить прежние конструктивные недостатки, но пришлось отказаться от идеи универсальном пушки (стреляющей по наземным и по воздушным целям), и новая пушка пошла в массовое производство с 1940 года.

Несмотря на то, что далеко не все удалось сделать из намеченного, сделано было многое. До начала Великой Отечественной войны (за 1938 - 1941 годы) было принято на вооружение новых образцов орудий почти втрое больше, чем за всю вторую пятилетку. Николай Николаевич Воронов внес , немалую свою лепту в это огромной важности дело. Он стал известен и уважаем в научно-технических артиллерийских кругах.

Помимо перечисленных дел, у него были главные функции - боевая подготовка кадров артиллерии и артиллерийских частей к войне. Тут он оказался в необычных условиях: предшествующая его деятельность в качестве командира полка и начальника училища концентрировалась на весьма ограниченном пространстве казарма, военный городок, летний лагерь на артиллерийском полигоне. Теперь же подведомственные ему

части располагались на территории от Баренцева до Черного моря и от Западного Буга до Тихого океана. Надо было узнавать кадры в военных округах, армиях и т.д. и строить всю работу в соответствии с реальными представлениями о командных кадрах. Наконец, надо было взять дело подготовки кадров в свои руки.

Он дает заключение проекту Боевого устава артиллерии (часть 2-я, 1937), одобрив его и тем самым покончив с имевшимся еще к этому проекту недоверием из-за того, что руководитель проекта был репрессирован.

Этот устав сослужил хорошую службу в подготовке артиллерии к войне. В 1940 году Н. Н. Воронов добивается введения у себя учета командных кадров и согласования с ним всех назначений и перемещений. Добивается переподчинения ему артиллерийских военно-учебных заведений. До этого они находились в ведении Главного управления вузов. И тогда еще в училищах был введен десятичасовой учебный день. Сверх него часовая ежедневная стрелково-артиллерпйская тренировка и тренировка в стрельбе из ручного оружия. Времени на самоподготовку, внешкольную политпросветработу и отдых не оставалось. Протесты не только не помогали, но и были небезопасны для служебного положения протестующего.

Получив артиллерийские училища в свое подчинение, Н. Н. Воронов собирает совещание начальников и, несмотря на неплохой личный опыт, внимательно выслушивает наши предложения, разрешает широкое обсуждение положения в училищах, отвечает на вопросы, по некоторым обещает дать ответы позднее. По ряду вопросов сразу же обещает помочь и сдерживает свои обещания. Совещание продолжалось три дня. Николай Николаевич использовал перерывы для бесед с начальниками училищ, стал даже питаться в столовой вместе с нами, пользуясь всякой возможностью лучше познакомиться с теми, кому доверено ответственное дело обучения и воспитания командиров-артиллеристов.

Авторитет его в наших глазах рос в эти дни буквально по часам. Приятно было сознавать, что у руля стоит не только знающий и опытный артиллерист, но весьма разумный человек, умеющий выслушать, дать толковое разъяснение, незаносчивый, с ним можно было вести беседу. Одним только поведением на этом сборе Николай Николаевич добился такого уважения к себе, какого не достигнуть посылкой директив и в несколько лет. Через нас, начальников училищ, через наши рассказы о новом начальнике артиллерии поднимался его авторитет, он распространялся на офицеров училищ, наши уважительные о нем отзывы проникали в толщу курсантов, завтрашних командиров, а

с ними и во все артиллерийские части.

За время нахождения Н. Н. Воронова у руководства советской артиллерией нашей армии еще до Великой Отечественной войны пришлось трижды вести боевые действия, масштаб которых последовательно возрастал от участия двух усиленных стрелковых дивизий до нескольких общевойсковых армий. Это боевые события в районе озера ан в 1938 году, на реке Халхин-Гол в 1939 году и 939 - 1940 годах советско-финляндская война. Боевые действия у озера Хасан были в общем-то скоротечны. Н. Н. Воронов прибыл к месту с опозданием (было приказано ехать из Москвы поездом). С разрешения наркома обороны он использовал свой приезд на Дальний Восток для ознакомления с артиллерийскими частями, проверки их боевой готовности. Ему стало понятно, что во многих частях допускается упрощенность в создаваемой обстановке на учениях и стрельбах, в ряде гарнизонов, особенно отдаленных, практикуется ведение занятий "условно" вместо того, чтобы готовить части и командиров к ведению боевых действий в полевых и сложных условиях. После его доклада народному комиссару обороны во всех артиллерийских частях стали искоренять выявленные недостатки.

Летом 1939 года Воронов вылетает в район боевых событий на Халхин-Голе. Он проводит здесь идею централизованного управления группой артиллерии командованием армией, а затем, в последнем решительном наступлении на противника, - планирования боевых действий артиллерии всей группы войск. Вплотную занимался здесь Н. Н. Воронов решением ряда боевых задач. За эту операцию он был награжден орденом Красного Знамени.

Осенью 1939 года Н. Н. Воронов участвует в освободительном походе с войсками Белорусского военного Округа в Западную Белоруссию. Теперь он получает реальное представление об организации и проведении марша многих артиллерийских частей в сложнейших условиях большого некомплекта средств механической тяги и использования в целом малопригодных тракторов из сельского хозяйства в качестве тягачей тяжелых орудий.

Попытался он успеть посмотреть ход событии в походе войск Киевского военного округа в Западную Украину. Получил разрешение, но не доехал, попал в автомобильную катастрофу, в результате - сотрясение мозга и надлом четырех ребер. Можно сказать, как он писал сам в своих воспоминаниях, жизнь ему спас подарок Долорес Ибаррури, полученный от нее в Испании, - металлический карандаш. Массивный карандаш преградил путь к сердцу куску металла, ударившему в грудь. Он не написал в

воспоминаниях, что от сильного удара у него произошли многочисленные травмы в желудочно-кишечном тракте. Травмы излечили, но образовалось множество спаек, и поэтому периодические боли причиняли тяжелые мучения во всю последующую жизнь, хотя сильный организм и перенес остальные травмы почти бесследно.

После лечения он имел короткий отдых, отданный охоте, а затем был направлен в Ленинградский военный округ, где назревали события, приведшие потом к войне. Там он и пробыл от начала и до конца ее, находясь главным образом на важнейшем направлении - Карельском перешейке - в Седьмой армии.

Артиллерия сыграла решающую роль в прорыве линии Маннергейма. А ее начальник заслуженно удостоился новой правительственной награды - ордена Ленина. На месяц раньше Н. Н. Воронову было присвоено звание командарма 2-го ранга. Это звание общевойсковое, и тогда носили его всего два артиллериста Н. Н. Воронов и В. Д. Грендаль, но последний командовал тогда Тринадцатой армией на том же Карельском перешейке и фактически являлся общевойсковым командиром. В июне 1940 года при введении генеральских званий Н. Н. Воронову было присвоено звание генерал-полковника артиллерии.

За несколько дней до Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов назначается начальником Главного управления ПВО. А через месяц, 19 июля 1941 года, в связи с восстановлением упраздненной за год до этого должности начальника артиллерии Красной Армии он вновь назначается на этот пост.

Начался новый период в его жизни, самый яркий и самый продуктивный. Николай Николаевич вступил в него 42-летним, относительно для занимаемого положения молодым человеком, однако вполне зрелым и готовым к полноценному выполнению своих ответственных, сложных и разнообразных обязанностей.

20 июля 1941 года генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов получил первое приказание Верховного главнокомандующего - выехать в качестве представителя Ставки в район Ельни, где шли ожесточенные бои. Там он пробыл до 5 августа, когда на этом направлении наступило затишье.

Вместе с начальником артиллерии Резервного фронта Л. А. Говоровым они разработали в это трудное время подробную инструкцию по борьбе артиллерии с танками. Доложенная Л. А. Говоровым в Ставке инструкция получила одобрение и пошла в войска в качестве ее директивы. По возвращении с фронта Н. Н. Воронов представил Верховному Главнокомандующему подробный доклад об основных недостатках в подготовке наших

войск, в ведении ими боев и в управлении ими. Это был мужественный и нелицеприятный доклад, беспощадно вскрывавший недостатки. Вместе с тем он был глубоко оптимистичен, проникнут глубокой уверенностью в преходящем характере недостатков и содержал практические рекомендации, направленные на скорейшее их устранение. Такой доклад являлся серьезным документом, ориентирующим Верховного Главнокомандующего в действительной обстановке на поле сражения под Ельней.

В Москве Воронову пришлось быть недолго; трижды в 1941 году его направляли в Ленинград: в конце августа в составе комиссии Государственного Комитета обороны, когда была произведена реорганизация управления войсками северо-западного направления; в середине сентября, теперь уже по просьбе Военного совета Ленинградского фронта, когда началась блокада города и надо было внимательно изучить новые условия в его обороне; наконец, с середины октября и по 5 декабря, когда в Ленинграде разрабатывался план прорыва блокады, однако для его выполнения не хватало ни сил, ни средств.

По возвращении Н. Н. Воронов в докладе Верховному Главнокомандующему обобщил свои донесения и устные доклады. Он подробно изложил положительные факты в действиях войск и недостатки в управлении ими, объективно охарактеризовал сильные и слабые стороны противника. Особо отметил Николай Николаевич героическое поведение населения своего родного Ленинграда:

"Население голодает, город находится под бомбежкой авиации и постоянным обстрелом тяжелой артиллерии, в городе многие семьи имеют убитых и раненых на фронте, работают все без дней отдыха, выше всяких законных норм, основная масса населения города прекрасные советские люди, подлинные патриоты Родины. Они готовы переносить все, лишь бы разбить врага... Кадры славного города блестяще выдерживают боевой экзамен". Сказанное он иллюстрировал примерами.

Между тремя поездками в Ленинград Н. Н. Воронов в Москве вел напряженную работу, занимаясь ускорением подготовки новых формирований и отправкой на фронт артиллерийских частей. Пожалуй, только его энергии и настойчивости мы обязаны тем, что летом и осенью 1941 года, в период отступления и больших потерь, не была брошена вся или большая часть артиллерии большой и особой мощности. Частей, имевших на вооружении орудия от 203-мм до 305-мм, было мало вообще, производства таких орудий не было совсем, и потеря их могла оказаться невосполнимой. На фронтах же летом и осенью 1941

года они, по существу, были не нужны, но зато могли потребоваться в случае прорыва сильно укрепленных позиций и укрепленных районов. Н. Н. Воронов глубоко был уверен в том, что перелом в ходе войны рано или поздно наступит, а в стратегическом тылу у врага окажется много укрепленных районов, прорыв которых потребует особо мощной артиллерии. Однако не так просто было вырвать эти части с фронтов, даже при согласии на то начальника Генерального штаба. Лишь распоряжение Верховного Главнокомандующего помогло постепенно вывести эти части в глубокий тыл. Оставлены были несколько полков и отдельных дивизионов только на Ленинградском и Западном фронтах, да Южный фронт вопреки полученному распоряжению все же оставил у себя два полка 203-мм гаубиц.

В декабре 1941 года Н. Н. Воронов поставил перед председателем Государственного Комитета обороны вопрос о создании специальных артиллерийских резервов, так как тогда формировались лишь стрелковые соединения и танковые. В связи с этим он писал: "В некоторых из них формируется положенная артиллерия. Для наступательных действий эта артиллерия будет слаба и крайне недостаточна. Верховному командованию Красной Армии необходимо иметь свой мощный резерв".

Надо сказать, что всю войну Н. Н. Воронов проявлял особую заботу об артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК). Многое сделал Николай Николаевич для постепенного осознания руководителями директивных органов Наркомата обороны необходимости форсированного роста артиллерии РВГК как основного источника средств стратегического и оперативного маневра артиллерией. Поэтому и штабу легче было осуществлять в этом направлении организованные мероприятия. Надо отметить, что в росте и развитии артиллерии РВГК Н. Н. Воронову оказывал неизменную поддержку Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, помнивший о наличии тех или иных артиллерийских соединений и последственно решавший вопросы о маневре ими в той или иной стратегической операции. Решение задачи облегчалось еще и потому, что в ходе войны сокращался объем формирований общевойсковых соединений и увеличивался приток артиллерийского вооружения из промышленности.

Мысль об организации крупных артиллерийских соединении Н. Н. Воронов вынашивал давно, когда, казалось, и думать об этом было еще преждевременно: в первое полугодие войны у нас наблюдался просто "голод" в артиллерии. Следовательно, реальных возможностей для организации нужных

артиллерийских соединений не было. А Воронов в начале февраля 1942 года просил меня высказать свои соображения о разработанной им самим схеме организации артиллерийского корпуса.

Скрепя сердце он соглашался с нашими суждениями о том, что для реализации его идеи пока что пет у нас соответствующих условий, по все же как-то в Ставке высказал свою затаенную мечту. Надо сказать, она встретила сочувствие у Верховного Главнокомандующего.

Однако задуманное в полной мере начало осуществляться лишь через год - в мае - июне 1943 года, когда резко увеличилось производство артиллерийского вооружения. Тогда было сформировано сразу пять артиллерийских корпусов прорыва, каждый в составе двух артиллерийских дивизий прорыва и одной дивизии реактивных минометов. Этому мероприятию предшествовало формирование в ноябре декабре 1942 года артиллерийских дивизий РВГК, вначале 8-полкового, потом 4-бригадно-го состава.

Хорошо помню, что Николай Николаевич сначала увлекся идеей самостоятельного применения артиллерийского корпуса прорыва в полосе сражения ударной армии. Затем под давлением критических замечаний своих помощников согласился с двумя вариантами использования такого корпуса в полосе армии (второй - через артиллерийские группы, в уже попятном и практикой проверенном способе управления). В практике операций 1943 - 1944 годов получил всеобщее признание именно второй способ.

Н. Н. Воронов еще в 1942 году под Сталинградом, где он был представителем Ставки ВГК по общевойсковым вопросам, обратился к Верховному Главнокомандующему за разрешением создать на Юго-Восточном (Сталинградском) фронте тяжелую артиллерийскую группу и "обязать командование Юго-Восточного фронта держать эту группу артиллерии на левом берегу Волги". На докладной записке с этим предложением, датированной 26 сентября 1942 года, имеется резолюция И. В. Сталина:

"Т-щу Жукову. Предлагаемые т-щем Вороновым мероприятия нужно провести в ускоренном порядке".

Последующие события привели к необходимости превратить фронтовую группу в войсковую организацию л форме артиллерийской дивизии. 3 ноября 1942 года Н. Н. Воронов вносит предложение Верховному Главнокомандующему сформировать тяжелую артиллерийскую дивизию в составе пяти полков и отдельного дивизиона пушек особой мощности. Названная дивизия, по номеру Девятнадцатая, сыграла большую

роль в обороне войск под Сталинградом и в операции по ликвидации окруженной группировки.

Большое внимание уделял Н. Н. Воронов проблеме защиты войск от ударов воздушного противника. В 1941 году сухопутные войска остались практически без зенитной артиллерии. Зенитных артиллерийских частей в составе артиллерии РВГК не было, а истребительная авиация не справлялась даже с задачей защиты своих бомбардировщиков. Пользуясь безнаказанностью, фашистские самолеты спокойно и методически пикировали на наши войска, срывая их маневр и движение. Мы на фронте не раз возмущались собственным бессилием в борьбе с авиацией противника, но сделать ничего не могли.

Как мне известно, первым, еще в 1941 году, поднял вопрос перед Н. Н. Вороновым о необходимости передать в ведение начальника артиллерии Красной Армии зенитно-артиллерийское прикрытие войск полковник Г. С. Десницкий, поддержанный заместителем начальника штаба полковником И. С. Туловским. Н. Н. Воронов неоднократно поднимал вопрос перед Верховным Главнокомандующим о выделении части продукции зенитных пушек в его распоряжение для возрождения зенитной артиллерии РВГК в сухопутных войсках, поскольку войска ПВО страны загружены собственными задачами.

Все это происходило еще до моего прибытия на работу в штаб артиллерии Красной Армии. Поэтому для меня явилось совершенно неожиданным одно событие, имевшее значительные последствия. Около 5 часов утра 2 июня 1942 года ко мне в кабинет неожиданно вошли Н. Н. Воронов и член Военного совета артиллерии И. С. Прочко. Поздоровавшись, Николай Николаевич шутливо сказал: "...Ну, принимайте новое хозяйство!.." На мой недоуменный вопрос он ответил: "Вам по совместительству с основной работой надлежит взять руководство войсковой зенитной артиллерией. Только что в Кремле принято решение о передаче нам зенитно-артпллерийского прикрытия войск. При этом обеспечивается формирование первых артиллерийских полков ПВО войск в составе артиллерии РВГК".

Я попытался было отбиться от незнакомого мне дела шуткой. Однако дело это было весьма серьезное, и взяться за него пришлось со всей энергией. Как показали последующие события, это мероприятие в воине себя оправдало полностью и сыграло огромную роль в защите войск от нападений врага с воздуха. Уже к концу первого периода войны (19 ноября 1942 года) мы имели более 250 зенитных полков РВГК, а к началу 1945 года - более 500.

Итак, к 1943 году в ведении командующего артиллерией

Советской Армии находились почти все виды артиллерии, кроме реактивной и самоходной. С апреля 1943 года ему были подчинены и реактивные части (гвардейские минометы, или "катюши"). А вот самоходная артиллерия была передана в ведение командования бронетанковых войск. В ее лице бронетанковые войска получили необходимую им собственную войсковую артиллерию, хотя многие танковые командиры долго еще изживали пренебрежение к самоходным орудиям, нередко называя их "испорченным танком" (не вращается башня).

Что касается Н. Н. Воронова, то он до конца пребывания на должности командующего артиллерией искал путь внедрения в боевые порядки пехоты самоходных орудий, способных идти непосредственно с передовыми подразделениями пехоты и оказывать им немедленную помощь подавлением и уничтожением ближайших вражеских огневых точек. Уже в конце войны он, после ряда консультаций с конструкторами, выдвинул идею "самодвижущихся" пушек. Впоследствии она была осуществлена постановкой на лафет миниатюрного двигателя, способного передвигать пушку на поле боя.

В ходе войны служебные функции Н. Н. Воронова постепенно расширялись. Ему был подчинен отдел изобретений и рационализации министерства обороны. Таким образом, прежде чем инициативные предложения могли поступить на рассмотрение народного комиссара обороны и правительства, их внимательно рассматривал, а иногда и изучал Н. Н. Воронов. Он беседовал с авторами, проводил совещания со специалистами, участвовал в испытаниях моделей пли готового изделия. К нему за поддержкой обращались и те, кто делал первые шаги в науке, и известные ученые. Помню профессора, позднее академика А. И. Берга, занимавшегося проблемами радиолокации, помню академика Б. Н. Юрьева, много сделавшего для развития вертолетов. Николай Николаевич поручил мне тогда провести широкое представительное совещание. На территории, примыкающей к ВДНХ, в его присутствии был проведен показательный полет вертолета конструктора Братухина. К сожалению, дело, одобренное моряками, полярниками, рыболовами, санитарами, связистами, артиллеристами и другими представителями военных и гражданских профессий, в 1944 году не было начато: для этого не было возможностей - шла война. Внедрение вертолетов началось уже после ее окончания.

Занимался Н. Н. Воронов и подбором для партизанских отрядов оружия, подходящего к условиям их боевой деятельности. Однажды зимой 1943/44 года он пригласил меня на испытание нового образца миномета. Н. Н. Воронов

непосредственно был связан с начальником Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. Не раз в кабинете Николая Николаевича я встречался с представителями командования партизанских отрядов.

Как видим, круг служебных обязанностей Н. Н. Воронова был широк, охватить все и квалифицированно руководить делом мог только человек его склада, знаний и опыта. Во второй половине войны, как известно, Верховный Главнокомандующий переподчинил ему войска ПВО страны, командование которыми до этого осуществлял он сам непосредственно. Так появился у Н. Н. Воронова еще один штаб - Главный штаб ПВО страны.

Н все же всем этим не исчерпывается деятельность Н. Н. Воронова во время Великой Отечественной войны.

Верховный Главнокомандующий увидел, что доклады Н. Н. Воронова, посещавшего по его заданию различные участки советско-германского фронта, всегда правдивы, нелицеприятны и квалифицированны; его предложения не только по проблемам роста и развития артиллерии, но и по многим общим оперативным вопросам, как правило, были серьезно обоснованы и глубоко продуманы. Видимо, эти обстоятельства и побудили Верховного Главнокомандующего посылать Н. Н. Воронова в качестве представителя Ставки ВГК, поручая ему координацию действий фронтов, участвовавших в стратегических операциях, либо оказание помощи фронту. Объективный а внимательный взгляд Н. Н. Воронова обеспечивал Верховному Главнокомандующему и Ставке в целом материал для наиболее соответствующих обстановке крупных оперативных решений. В годы Великой Отечественной войны Н. Н. Воронов был представителем Ставки ВГК на Ленинградском и Волховском, Юго-Западном и Донском, Воронежском и Брянском, Северо-Западном, Западном и Калининском, Третьем Украинском и Первом Белорусском фронтах. И везде его пребывание оставляло заметный след.

Исполняя поручения Ставки Верховного Главнокомандования, Н. Н. Воронов поднимается на более высокую ступень. Он уже командует не одним, хотя и могущественным по мощи огня, родом войск. Его деятельность в этом случае носит уже подлинно полководческий характер. За заслуги именно в этой области руководящей военной деятельности Николай Николаевич был награжден тремя полководческими орденами Суворова 1-й степени.

В течение тринадцати лет, которые включают в себя и всю Великую Отечественную войну, Н. Н. Воронов стоял во главе советской артиллерии. Он любил свой род войск и его развитию

отдавал всю энергию, все накопленные знания и опыт. Понимая приближение к тому рубежу количественного накопления, за которым должен последовать новый качественный скачок в развитии артиллерии, Воронов продумывал наиболее целесообразные формы организации и способы ее боевого применения. Еще на совещании высшего военного командного состава зимой 1940 года он выдвинул требование создавать плотности артиллерии в наступлении вдвое более высокие, чем рекомендовалось Боевым уставом.

Заслуга Воронова в данном случае заключалась в том, что его предложение было реальным. Ориентируясь на него, можно было продумать и всю систему взаимосвязанных мероприятий по вооружению артиллерии, ее войсковой организации, способы боевого применения крупных масс артиллерии и управления ими.

Предшественники Н. Н. Воронова понимали, например, целесообразность роста и развития артиллерии, но мыслили они при этом категориями тактического масштаба. Н. Н. Воронов видел иное, он уже предвидел наступление периода, когда артиллерия станет одним из важнейших факторов оперативного маневра, успеха сражений армий и фронтов. Уже в середине тридцатых годов Николай Николаевич осознал, что танки, авиация и артиллерия в современной войне не конкуренты, что они вместе составляют органическое единство силы, решающей успех сражений и войны в целом. Отсюда вытекало, что рост одних неизбежно должен вызывать повышенные требования к росту других. Он еще не знал конкретного критерия гармоничного развития решающих видов оружия, но уже понимал, что нарушение закономерностей связи их развития на войне обойдется весьма дорого.

До конца тридцатых годов артиллерию РВГК понимали в основном как средство качественного усиления войсковой артиллерии при прорывах обороны противника на направлениях главного удара в той или иной операции. Поэтому в составе артиллерии РВГК содержали тяжелую и дальнобойную артиллерию от 152-мм калибра и выше. В 1940 году в состав артиллерии РВГК вводятся формируемые десять противотанковых артиллерийских бригад, в каждую из них включаются в качестве противотанковых 76-, 85- (зенитные) и 107-мм пушки и два зенитных дивизиона 37-мм пушек. Это первый опыт организации крупного соединения (два полка и два отдельных дивизиона в 120 противотанковых пушек) для между- и внутрифронтового маневра. Это первое и разумное отступление от установившегося взгляда на артиллерию РВГК.

Николай Николаевич хорошо понимал важность развития

артиллерийских наук и в 1946 году стал инициатором создания Академии артиллерийских наук, встретив в этом предложении активную поддержку И. В. Сталина, понявшего важность такого мероприятия.

Помню, как мне было поручено зимой 1950 года рекомендовать кандидатуру Н. Н. Воронова на пост президента Академии артиллерийских наук. Некоторые ответственные товарищи довольно сильно волновались за исход тайного голосования и возлагали какие-то особые надежды на то, как и в какой форме я буду вносить это предложение. Однако суть дела заключалась, конечно, не в этом. Н. Н. Воронов всегда пользовался в массе артиллеристов глубоким авторитетом и уважением. Вот почему, хотя в моем выступлении не было "красот" риторики, хотя предлагаемый мною кандидат не оброс учеными дипломами, президентом он был избран тайным голосованием единогласно. Ученые-артиллеристы знали действительную цену познаниям Н. Н. Воронова в артиллерийских науках и, принимая его в свои ряды, охотно избрали его своим руководителем, хотя и не имели никаких претензий к академику А. А. Благонравову, бывшему в то время президентом Академии артиллерийских наук и пользовавшемуся серьезным научным авторитетом.

С 1953 года Н. Н. Воронов ушел с годовой в работу но руководству названной академией. За шесть с половиной лет ее существования здесь было проведено немало глубоких исследований, в том числе по стрельбе баллистическими ракетами, по разработке ряда научных путей в развитии ракет, современных приборов по управлению огнем и т, д. Среди академиков и членов-корреспондентов академии плодотворно трудилось немало крупных советских ученых.

Начиная с 1953 года и по 1958 год Н. Н. Воронов стоял во главе руководства Военной артиллерийской командной академией в Ленинграде. И здесь большая заслуга принадлежит ему в становлении этого молодого учебного заведения. Помещения нуждались в капитальном ремонте, не было лабораторной базы, недоставало ряда аудиторий.

Многое сделал для этой академии Н. Н. Воронов, но его здоровье стало заметно сдавать, и незадолго до своего 60-летия он попросил перевода в состав Генеральной инспектуры министерства обороны. Его просьба была удовлетворена, и он состоял в ней до конца жизни, ведя большую научную работу. Известна и его широкая общественная деятельность по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

По долгу службы мне приходилось во время Великой

Отечественной войны бывать на многих фронтах, на некоторых по несколько раз. Пришлось встречаться с множеством людей, от рядовых до генералов, и беседовать с ними и не по служебным делам. Поразительно, что все они с конца 1942 года знали Н. Н. Воронова. И не только потому, что И. В. Сталин адресовал на имя его и К. К. Рокоссовского известную поздравительную телеграмму в связи с ликвидацией немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Многие встречались с Вороновым на фронте, еще больше слышали о нем по рассказам других. Но во всех отзывах звучало глубокое уважение к нему - и не просто как к командующему таким могучим родом войск, каким была артиллерия (замечу, кстати, в скобках, что фронтовики действия ее ценили особенно высоко), - Николая Николаевича уважали прежде всего как человека чуткого и отзывчивого; как мудрого военачальника, умеющего ценить мнение каждого, а также и щадить чувства человеческого и воинского достоинства тех, кому приходилось указывать на ошибки; как коммуниста - твердого и непреклонного в тех случаях, когда требовалось отстаивать свои убеждения и принципы, настойчивого и самоотверженного, когда дело шло о выполнении принятого решения, о достижении намеченной цели.

Десяткам миллионов советских людей на фронте и в тылу стал известен Николай Николаевич Воронов в годы минувшей войны. Свое уважительное, я бы оказал, любовное отношение к нему они передавали в изустных рассказах. Его делами и его судьбой не уставали интересоваться и тогда, когда он, отягощенный физическими недугами, отошел от активной деятельности.

Н. Н. Воронов оставил глубокий след в истории советской артиллерии и в истории Великой Отечественной войны, и имени его благодарное потомство не забудет.